

Из трубы скромного одноэтажного домика, уютно притулившегося у подножья скалистой горы, струился дымок.

«Наконец-то, живую душу нашёл», – обрадовался я, утомлённый полуторачасовой поездкой по разорённой войной Сербской Краине.

Югославия распалась. Распалась кроваво на несколько частей. Краина осталась маленьким осколком Сербии на неожиданно ставшей враждебной хорватской земле.

Сначала потянулись бесконечные колонны хорватской техники, которые невидимая воля двигала к границам сербского анклава. Мы, военные наблюдатели ООН, с тревогой докладывали об этом в штаб. Потом в Краине появились автобусы. По добытой мной информации, их было четыреста. Машины заполнили окрестности провинциального центра – города Книна. На них поспешно уехали власти с родственниками. Оставшиеся места достались счастливицам. Затем начался исход.

Он продолжался неделю, а может, и больше. Сейчас уже точно не вспомнить. Исход сербских крестьян с земель, где их предки жили столетиями. Бесконечные вереницы жалких маленьких мотоблоков с тележками, наполненными нехитрым домашним скарбом: узлами с бельём и одеждой, кастрюлями и керосиновыми горелками, допотопными телевизорами и радиоприёмниками. Мужчины, в основном старики, управляли своим тихоходным транспортом. Их старухи сидели на узлах или шли рядом.

Другие ехали на телегах, запряжённых лошадьми. Совсем редко попадались небольшие тракторы с огромными горами барахла на тележках и облепившими их, как муравьи, усталыми людьми.

Позже мне рассказали, как в Лондоне президенты Сербии и Хорватии за ужином договорились и разделили страну, начертив план прямо на белоснежной ресторанной салфетке. Этому были свидетели...

Сотни лет жизни и борьбы за эти земли, битвы с турками, немцами и мадярами, героизм и жертвы народа против двух чиновников и салфетки...

План на салфетке оказался важнее!

Несчастные люди бежали куда-то в Сербию, где многие из них никогда не были. Полмиллиона за неделю. Им честно сказали: «Оставаться нельзя! Мы не сможем вас защитить».

Что означало это предупреждение в том военном тысяча девятьсот девяносто пятом году, никому объяснять не требовалось.

***

А они остались...

Остались в своём маленьком, по сравнению с другими, домике под горой.

Мне сразу бросилась в глаза странность этого жилища. Его фасад смотрел прямо на асфальтированную дорогу. Она, эта дорога, делала изгиб в метре от входной двери и воспринималась мной частью домашнего интерьера. Задний дворик с садом был крохотным, словно игрушечным. Странными в тот первый день знакомства показались мне и обитатели этого домика. Точнее, сильно удивило то, как очень по-русски их звали.

«Владимир Мишин, – назвался седой старик в линялой чёрной безрукавке поверх клетчатой рубашки навыпуск. – Наталия Мишина», – кивнул он на старушку в домотканом платке на плечах.

Так официально и объявил, видимо, приняв меня за представителя власти.

Я слушал его и почему-то не мог отвести взгляда от ног хозяйки, обутых в растоптанные туфли на низком каблучке с трогательными тонкими ремешками на широких щиколотках и кокетливыми пряжками, потускневшими от времени.

– Владо, зови гостя в дом. Не дело – на пороге держать, – укоризненно проговорила она и пошире открыла дверь.

Мы устроились в небольшой горнице за круглым столом со скошенными внутрь ножками. В печке уютно потрескивали дрова. В закопчённом чугунке булькала вода. Вкусно пахло свежеспечённым хлебом. Старые ходики на стенке громко тикали, подчёркивая напряжённую тишину. Белоснежные салфетки на полках с незатейливыми вазочками, казалось, были из какой-то другой, мирной жизни.

Я представился, объяснил, что приехал из России. Рассказал, чем занимаются военные наблюдатели. Затем принёс из машины большую коробку с гуманитарной помощью.

Показалось, что настороженность Владо немного ослабла.

– Спасибо, у нас всё есть. Много ли надо двум старикам? – сдержанно сказал он, но подарок принял.

– Почему вы так и не уехали? – наконец решил я задать главный вопрос.

Старик ответил сразу. Чувствовалось, что эта тема часто обсуждалась дома в последнее время.

– Куда нам ехать? Мы здесь родились и выросли, как наши отцы и деды.

– Но ведь все уехали! Вы же остались совсем одни! Разве у вас нет в Сербии родственников?

– Каждый решает сам! – резко ответил он.

– Дочка, Михайла, – робко сказала Наталия и с опаской посмотрела на мужа.

Владо повысил голос:

– Михайла! У неё своя жизнь! Двое детей, муж и все в тесной квартирке! А тут мы!

– То-то и оно, – старушка обречённо закивала, видимо, в который раз повторяя эту неоспоримую истину.

– Не бойтесь, что вас убьют? – решил я спросить напрямую.

Хозяйка порывисто повернулась к мужу, ожидая ответа.

– Кому мы нужны? Мне – восемьдесят, а ей – семьдесят шесть. Какой от нас вред?

– Могут убить просто за то, что вы сербы, – продолжил я, не скрывая своих мыслей.

– Значит, так тому и быть! – упрямо сказал он и посмотрел на жену, как будто отвечал ей, а не мне. – Здесь родились, здесь и умрём!

– Боимся, – почти прошептала Наталия и прижала руки к груди.

Владо мгновенно набросился на неё с упреками. Она неуверенно оправдывалась, явно стесняясь меня. Я тогда не очень хорошо понимал по-сербски, но вполне достаточно, чтобы разобраться в их эмоциях. Не желая больше смущать хозяев, поспешил проститься:

– Подумайте ещё раз: война есть война! Приеду через неделю, если решитесь – помогу с отъездом.

Уходя, заметил, что маленький рыжий котёнок, всё время отиравшийся у ног старухи, исчез, словно, как и я, не желая быть свидетелем семейной ссоры.

***

За неделю в зоне моей ответственности много чего случилось. Хорваты вошли в Книн. Город горел. Издалека доносилась тяжёлая артиллерийская канонада. По Краине сновали мародеры на машинах с прицепами. В один из дней в патруле встретил армейский грузовик с бочкой в кузове и двумя солдатами с факелами. Они выезжали из пылающей деревни. От лишних свидетелей в те дни избавлялись быстро. К счастью, мне удалось уйти: они не успели поменять факелы на автоматы. Каждый следующий день приносил тревожные новости. Я невольно возвращался мыслями к своим недавним знакомым, переживая за их судьбу.

Не дождавшись конца недели, прихватил коробку с гуманитаркой и отправился к ним. Облегчённо вздохнул, увидев, что из трубы их маленького дома по-прежнему вьётся дымок.

Старики встретили меня теплее, чем в первый раз. Единственным источником связи с миром у них был маленький приёмник «Грунди». Владо, теперь уже не скрывая тревоги, сразу стал меня расспрашивать. Я, взвешивая каждое слово, не желая их излишне пугать, рассказал об обстановке. Про машину с поджигателями решил не упоминать. Напрасно! Оказалось, что они здесь уже побывали.

– Зачем они к вам приезжали? – спросил я.

– Сказать, чтобы мы валили в свою вонючую Сербию.

– А вы?

– Ответил, что мы здесь родились, здесь и умрём.

– А они? – невольно вырвалось у меня.

Владо замолчал, видимо, заново переживая страшную встречу. Из угла комнаты, где висели иконы, донёсся голос Наталии, прерываемый рыданиями:

– Сказали: «Умрётё, если вам так хочется...».

Владо подошёл к ней, обнял и стал гладить по голове, как ребёнка:

– Не плачь, они уехали! Хотели бы убить – убили! Да и за что нас?..

Она доверчиво прижалась к нему, вытирая слёзы и согласно кивая; такая трогательная в своих распотанных туфельках с тоненькими ремешками и нелепыми, потускневшими от времени пряжками.

Старик, желая успокоить жену, неожиданно произнёс:

– Пойдёмте во двор – я вам хозяйство покажу.

***

Сразу было видно, что крохотный дворик у самого подножья скалы был обустроен с большой любовью. Ближе к дороге рос могучий орех. Напротив – инжир, или, как говорят сербы, «смоква». Метров в двух от земли по всему периметру натянута металлическая проволока, с которой соблазнительно свисали увесистые гроздья винограда. Они светились янтарными бусинками, впитывая последние ласковые лучи осеннего солнца.

– «Лоза», – с гордостью назвал он по-сербски виноградный куст, толщиной в руку.

– Немного у вас всего, – сорвалось у меня.

– Пойдём! – хозяин настойчиво повёл меня к маленькому сараю. – Смотри! – открыл дверь и показал на огромный мешок с грецкими орехами. – Куда нам больше? Раньше дочке отдавали, так два года уже не приезжает. Занята! А это – смоква, – старик кивнул на рыболовную леску под потолком, где, словно ёлочные гирлянды, вялились плоды инжира.

Казалось, Владо забыл обо всём, что так тревожило его последнее время. Он продолжал экскурсию, погружая меня в своё нехитрое хозяйство. Я и сам успокоился, с наслаждением вдыхая осенний горный воздух, настоящий на фруктовых ароматах его сада.

– Ещё в подполе есть бочонок с белым вином, – заговорщицки сказал Владо и подмигнул. – Корова на выпасе. Куда нам со старухой больше!?

Я молчал, а он, не требуя от меня никакого ответа, всё продолжал убеждать:

– А ты говоришь – уезжай! – с укоризной обратился он то ли ко мне, то ли к старухе, оставшейся в доме.

Потом пили чай. Владо расспрашивал меня о политике, Наталия, немного успокоившись, хлопотала по дому. Пришло время возвращаться. Я попросил старика ещё раз подумать об отъезде и протянул на прощание руку. Он обхватил её своими шершавыми ладонями и, улыбнувшись, тихо сказал:

– Не волнуйся, Юре, всё будет хорошо!

На пороге Наталия, лукаво улыбнувшись, вдруг спросила:

– Юре, а почему ты всё время смотришь на мои туфли?

Я смутился, но всё же объяснил:

– Не поверите, в молодости я встречался с девушкой. На выпускной вечер она надела точно такие же туфли. До сих пор почему-то помню, как блестели на них пряжки.

Владо засмеялся и не удержался от подколки:

– Наталия, и ты, и туфли из прошлого века!

– А мне удобно – вот и хожу, – не обиделась хозяйка и рассмеялась.

***

Обстановка в Краине накалялась. Тяжёлое предчувствие и тревога за этих простых людей не покидали меня. Я спросил индуса, вернувшегося из патруля, о знакомых стариках. Он пожал плечами, но сказал как-то неуверенно: «Не видел ни одной живой души. Наверное, все уехали».

От сердца отлегло. Появилась надежда, что мои уговоры подействовали. Проезжая деревню на следующий день, не удержался и решил подъехать к их дому.

Дверь приоткрыта, но никто не вышел навстречу. Не желая верить в худшее, медленно шагнул вовнутрь. Вещи в горнице разбросаны по полу, занавески с окон сорваны. Гнетущую тишину нарушал размеренный стук старых ходиков, казавшийся нелепым в разорённом доме. Ничто больше не напоминало о прежней уютной жизни. На полу валялись черепки разбитых вазочек и затоптанные белые салфетки. Я вдруг подумал, что план политиков на той салфетке в ресторане обернулся большой бедой в этом простеньком деревенском доме.

В груде набросанных у печки бумаг заметил два картонных прямоугольника документов с отпечатками ребристых следов армейских ботинок. Поднял один. Буквы плясали перед глазами: Владимир Мишин, дата рождения, национальность, место рождения. Открывая вторую красную книжицу, уже знал, что там написано. Так и есть: Наталия Мишина...

Я держал в руках документы людей, которые невзначай стали мне дороги.

Показалось, что в спальне кто-то есть. Я осторожно приоткрыл дверь и от неожиданности отпрянул: поперёк хозяйской кровати лежала огромная корова и смотрела на меня своими грустными карими глазами. Почувствовал, что не хватает воздуха. Под утробное мычание я бросился к выходу, не глядя под ноги. На пороге поскользнулся и едва не упал. Под ногой что-то хрустнуло. Это была пряжка, та самая, из прошлого века.